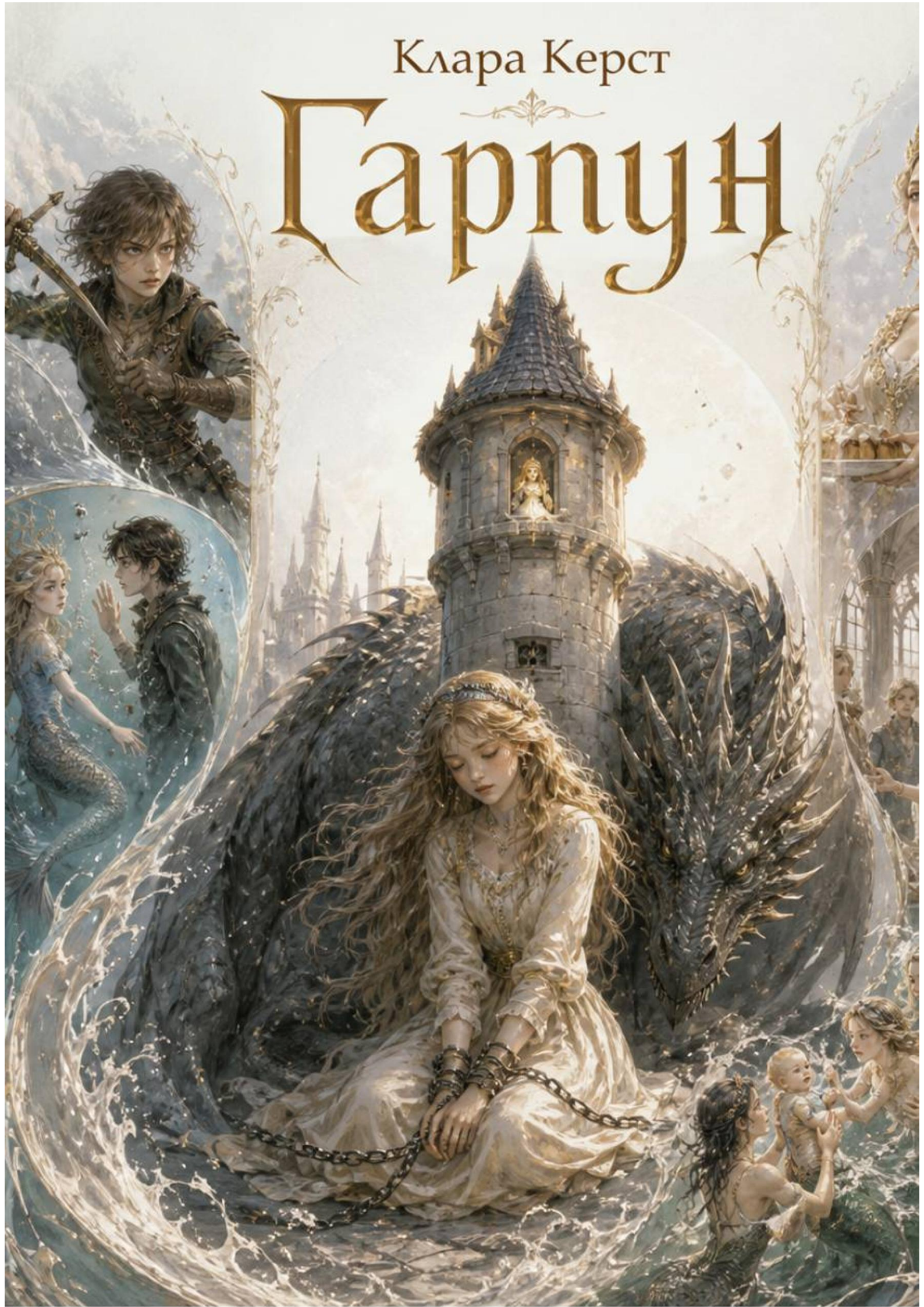

Клара Керст

Гарпун

Клара Керст
Гарпун

«Автор»

2026

Керст К.

Гарпун / К. Керст — «Автор», 2026

Гризельда — кондитер и бывшая фея-крестная. Она ненавидит свою сводную сестру Салли, которая благодаря магии стала принцессой и вышла замуж за принца, которого Гризельда любила. Гризельда отравляет Салли шарлоткой, забирает её детей — Изольду и Секста — и манипулирует ими. Изольду она усыпляет веретеном, заточает в башню и приковывает цепями. Секста превращает в рыбу, и его ловят русалки, которые принимают его в свой род. Дракон Арианрод, которого Гризельда вырастила для охраны, сторожит Изольду. Принцы, пытающиеся спасти принцессу, гибнут. Но Изольда вступает в сговор с Флавием, девушкой-мальчишкой, которая убивает дракона. Секст, вернувший человеческий облик благодаря русалкам, возвращается в замок. Изольда разоблачает Гризельду на крестинах её новорождённого сына. Русалки забирают ребёнка (который оказывается девочкой) в своё царство, а Гризельду в раскалённых туфельках изгоняют из дворца.

© Керст К., 2026

© Автор, 2026

Клара Керст

Гарпун

ГАРПУН

Фишкой заведения «Мармерадно» Гризельда считала — торт «Отелло», эклеры и курабье. А уж заварить горячий шоколад и бросить в него пригоршню маршмеллоу — это долг каждой уважающей себя хозяйки. А по счетам Гризельда платила исправно: накопления у нее приличные, и дело спорилось.

— Похудей! Как же! — пробормотала она.

Если ты торгуешь тортами, ты обязан: слизывать крем с ложек и блендера, ломать песочное печенье, промокать печенье вишневым сиропом, выкладывать печенье на дно стеклянной тары. А то печенье, которое не поместилось, необходимо положить в рот. Как иначе проверишь, что оно, печенье, вкусное?

Гризельда предпочитала миндальное, она любила его за вкус и аромат, а самое главное, за перспективу. Она читала, что цианид оставляет именно такой аромат — пастельно-нежный запах миндаля. Она баюкала и лелеяла это знание, но ни с кем не делилась. И уж тем более не писала в мотивационных письмах для поступления в Ассоциацию Фей-Крестных. Стать Фей-Крестной — маленький шаг на большом пути. Старт у Гризельды вышел посредственным. Пришлось положить много сил, чтобы избавиться от наследия матери. Сепарироваться от нее было проще, чем от ее славы. Мать притесняла падчерицу и тиранила. Об этом узнали, когда Салли стала принцессой. Люди, чтобы казаться добрее или скрыть злые намерения, часто закрывают глаза на недостатки других. Они говорили Гризельде то, во что сами особо не верили, хотя их никто не спрашивал и не просил высказываться на этот счет.

— Вы были крошкой, Гризельда, вы не знали, что ваша мать — злыдня. Вы просто воспроизводили паттерн, следовали схеме, верно?

Гризельда опускала глаза. Она выпекала кексы с изюмом и курагой, упаковывала в гофру и выставляла на благотворительных ярмарках. Она не жалела денег на общественные инициативы — даже самые идиотские — зачем городу белоголовый орлан и духовой орган — и прослыла такой кроткой, что ей поверил бы и ягненок, которого драли волки.

Гризельде подыгрывали округлость лица и пышность форм, ни одного острого угла — воплощение доброты. Она нравилась всем, для всех была своей, и вскоре репутация кондитерши превозмогла дурную славу матери.

Гризельда туго затянула фартук, воздела поварскую шапочку, как корону, взяла щепотку муки и вбросила в воздух. Зазвонил телефон.

Телефон был розовым, розовой была трубка, диск на телефоне и провод тоже были розовыми. Определитель номера показывал, что звонок из дворца. На трубке возникли отпечатки мучных пальцев.

— Гриз, дорогая, — замурлыкала Салли. — Завтра день рождения Маркуса, будь так любезна, испеки торт, многослойный, со сливками и шоколадом. Пожалуйста. Или ягодный, на твое усмотрение.

— Ваше Высочество, исполню в лучшем виде, — добродушно ответила Гризельда. Салли отключилась, а Гризельда нахмурилась, а потом долго оттирала розовую трубку фартуком.

Когда она росла в доме матери — это уже после смерти отца — принцессой была она. Салли — она помнила это хорошо — все видели только служанкой. Хотя все знали, что Салли — такая же дочь дровосека, как Анастасия и Гризельда. Сестры повторяли все, что делала мать.

Гризельда одернула себя: ну, вот, она опять все валит на мать. Нет, ей нравилось, до безумия нравилось, что Салли по щелчку пальцев выполняет все приказы. Нравилось, что в ее власти унижить и раздавить девчонку, которая возомнила о себе бог весть что. Заклинательница птиц! — так она себя называла. Следом с восторгом и восхищением стали так звать ее и другие.

Готовность Салли приходить на помощь — она принимала. Почему же не помочь Гризельде? Ведь она такая чудесная, такая милая, круглощекая девочка, а еще капельку, нет, две, три, или даже целый кувшин — принимала за подобострастие. Стоило ей заплакать, как Салли предлагала платье другого фасона. Скорчить кислую мину — как Салли готовила омлет с гренками вместо яичницы с беконом. Покоситься — перемывала чистые полы и переделывала прическу. В дождь, в холод, в слякоть — бежала в аптечный киоск, стоило Гризельде чихнуть. Салли делала все, что попросят. Попросят, в том-то и дело.

Это потом Гризельда узнала — преимущественно на своем опыте, что подобострастие не в силах генерировать дивный свет. Только искренний дар способен рождать сияние — но вот в чем дело — на него мало кто способен.

Гризельда помнила худое, изможденное лицо сестры. Но внутренний свет, которого не было ни у ее матери, ни у ее сестры Анастасии — да что там — ни у кого из людей — бесил Гризельду до умопомешательства. Она помнила эту занозу, эту необходимость, дикое нестерпимое желание, чтобы этот свет, делавший Салли такой прекрасной, померк. И она хорошо помнила, как мать, сестра, да и она сама придумывали каверзы, чтобы загасить искру. Но что бы они не делали — свет разгорался только ярче.

Этот свет представлялся матери, Анастасии и Гризельде чем-то противоестественным, порочным и дурным. Задачей, даже миссией они считали наказание дерзкой девчонки. Нужно было поставить зазнайку на место ради блага общества, иерархии, дисциплины, во имя справедливости. Свет Салли был сопротивлением. Как Салли смеет быть такой красивой, как она смеет петь с птицами, как она смеет все успевать! Как она смеет, ведь она никто, пустышка без приданого, глупая, необразованная девчонка, дочь дровосека. Тогда как в жилах матери, Анастасии и Гризельды течет купеческая кровь!

Про бал, куранты и туфельки — хрустальные — лучше и не вспоминать. Все было как в бреду, чаду, интоксикации — не по-настоящему.

Все, что происходило с Салли, должно было произойти с Гризельдой. Худший кошмар жизни. Видеть, как то, что хотел получить ты, получает кто-то другой. И этот кто-то — про-

штука — Салли. Все завертелось: кареты, нарочные, наряды, герольды, приказы, праздничные шествия. И вот — Салли без пяти минут принцесса.

Тогда-то и выяснилось, как удавалось ей, замарашке, сохранять свет столько лет. Без феи-крестной Салли была бы пустым местом — жердочкой без попугая. Она смухлевала в игре за сердце принца. У нее было преимущество — магия. Понимание давало облегчение: в Салли не было ничего сверхъестественного, она жульничала. Но вот теперь Салли — девица без приданого и без знаний о мире, без представления о том, как деньги зарабатывают, которая не умеет ничего, кроме как отделять зерна от плевел — заняла трон и вскоре после того, как венценосного старика вынесут вперед ногами — станет королевой. Салли может позвонить ей, заказать торт на день рождения мужа — принца, образ которого Гризельда лелеяла в сердце до сих пор, и она, Гризельда, и слова поперек сказать не сможет. Гризельда кулаком взбивала тесто. Как смеет Салли ей приказывать — удар, как смеет быть женой принца и матерью его детей — еще удар — как смеет выглядеть так молодо — еще удар. И град ударов — уже в молчании. Начинка — свежие ягоды: малина, клубника и ежевика, перетертые с сахаром — была уже готова. Гризельда хотела плюнуть в миску и уже набрала слюну, и эта слюна даже показалась на ее воспаленных губах, но она отвернулась и плюнула в стакан. Поднесла дрожащую руку ко рту и вытерла мокрый подбородок.

По стене, уступая тени, пятились солнечные пятна. Близился вечер, и Салли чувствовала, что устала. По дороге в кондитерскую «Мармерадно», из окна кареты она видела: упавшее дерево, лопнувший фонарь и труп собаки, и ее опечалили эти знаки. Салли отодвинула тарелку, есть не хотелось.

— Все ешь как птичка, — с укоризной произнесла Гризельда, Фея-Крестная и по совместительству кондитер.

Салли вздохнула:

— Все очень вкусно.

Гризельда скользнула взглядом по талии Салли, такой же тонкой, какой она была в юности и отвернулась. Она с ненавистью посмотрела на свое отражение в окне. Она была толстой, как и полагается быть феям-крестным. Такова расплата за магию. Салли меланхолично улыбалась и собирала крошки пальцами.

— Где мои сорванцы?

— Изольда на скалодроме, а Секст собирает гербарий, такой утонченный мальчик. Поэт, мечтатель, — Гризельда говорила комплимент, но окончание фразы прозвучало слишком ядовито.

— В наше время все было наоборот, — снова вздохнула Салли. — Девочки хотели танцевать вальс, а мальчики — бить драконов, теперь все иначе. Моя дочь говорит, что моя слабость определила ее выбор. А теперь на носу еще и испытание веретеном! — на прекрасных глазах Салли появились слезы, она быстро их вытерла и спросила: — Они не очень тебя обременяют?

— Ну что ты, сестрица, — Гризельда отвернулась, чтобы скрыть довольную улыбку, Салли плакала, и свет замерцал. — Не убивайся, не мы придумываем правила, они написаны

до нас. Королевские дети должны жить вдали от матери. Лишь избранным удастся переписать закон, — она замолчала, поняв, что подлизывается слишком явно. Гризельда, кряхтя, поднялась и подбросила полено в камин. Поправила портрет принца — уголок съехал влево — выглянула в окно и снова посмотрела на Салли. Свет мерцал, но не мерк. Она села.

— Как бы там ни было — что бы там ни было — расплачиваться все равно придется. Отведай моей шарлотки с орехами — пекла из красных яблок — специально для тебя, дорогая.

Гризельда круговым ножом разрезала пирог, налила в чашку кипятка, заварку и пододвинула сестрице. Сначала тарелку, потом чашку. Заварка — узорчатые листья метались, как безумные. Салли улыбнулась. Она взяла вилку, отломил кусочек и с трудом прожевала.

— Скажи, сестра, когда назначено испытание? — она побелела, сжала руки в кулаки. — Ты же понимаешь, сестра, я не могу тебе выложить волю Совета Фей.

Салли посмотрела на Гризельду в отчаянии.

Гризельда сжалась и похлопала ладошкой по кулаку сестры.

— Пока не могу. На будущей неделе станет известно. Устрой празднество, пригласи именитых гостей, я приготовлю десерты по старинным рецептам, и вот тогда все тебе расскажу. Как никак я крестная твоим детям.

— Но мы хотели отметить в узком кругу, семейно, вчетвером, — пробормотала Салли.

— Нет, — решительно качнула головой Гризельда. — Так не годится. Твой муж — принц, почти король, ему сорок, нельзя его оставить без подарков, свечей, гостей...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.